

Нелепость, ставшая привычкой

© Кондрашов П. Н.

©Kondrashov P.

Нелепость, ставшая привычкой

Absurdity that has become a habit

Аннотация. Анализируется перевод первого тома «Капитала» Карла Маркса под редакцией Валерия Чеховского. Главная особенность перевода заключается в том, что ряд основных марксовских категорий, получивших в оригинале словесное обозначение *Wert* (и производные), передан русским *ценность* вместо «традиционного» *стоимость*. В. Чеховский предлагает следующее решение проблемы перевода: *Gebrauchswert* (полезность и полезная вещь) — *качественная* характеристика товара — по-русски это *потребительная ценность*. *Tauschwert* (относительная форма выражения ценности товара, отношение, пропорция, в которой один товар обменивается на другой товар или на деньги) — *количественная* характеристика товара — по-русски это *меновая ценность*, или, что то же самое, — *стоимость*. *Wert* — общая всем товарам субстанция, делающая возможным обмен (абстрактный труд) — по-русски это *ценность*. Автор специально выделяет важный вывод В. Чеховского: из логики «Капитала» следует наличие двух общественных законов: *закона стоимости* (или меновой ценности) и *закона ценности*, т. е. закона общества товаропроизводителей и закона «общества свободных людей».

Annotation. The article analyzes the translation of the first volume of Karl Marx' «Capital», published under the editorship of Valery Chekhovsky. The main feature of the translation is that a number of the Marx's main categories which in the original have received the verbal designation *Wert* (and derivatives), is translated into Russian *value* instead of «traditional» *cost*. V. Chekhovsky proposes the following solution of the translation problem: *Gebrauchswert* (usefulness and a useful thing) is the *qualitative* characteristic of goods — in Russian is *use value*. *Tauschwert* (a relative form of expression of value of goods, the relation, a proportion in which one goods exchange on other goods or on money) — the *quantitative* characteristic of goods, — into Russian is translated as *the exchange value*, or that the same, — *cost*. *Wert* — the general to all goods the substance which doing possible an exchange (abstract labour) — into Russian is translated as *value*. The author specially allocates one important conclusion of V. Chekhovsky, namely: existence of two social laws, following from logic of «Capital», — *the law of cost* (or *exchange value*) and *the law of value*, that is the law of society of commodity producers and the law of «society of free people».

Ключевые слова. «Капитал» Карла Маркса, стоимость, ценность, Gebrauchswert, Tauschwert, Wert, правила перевода, закон стоимости и закон ценности.

Key words. Marx's «Capital», cost, value, translation rules, Gebrauchswert, Tauschwert, Wert, the law of cost, the law of value.

«Нелепость, ставшая привычкой», — такова, по мнению Валерия Чеховского, ситуация, сложившаяся вокруг традиционного для СССР и современной России перевода «Капитала» Карла Маркса на русский язык. Автор перевода первого тома «Капитала» в новой редакции уверен, что ему удалось исправить грубые ошибки столетней давности.

КОНДРАШОВ Петр Николаевич — старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, кандидат философских наук.

Автор благодарен за конструктивное обсуждение этого текста Рольфу Хеккеру (Берлин, Германия), Андрею Коряковцеву (Екатеринбург), Георгию Шелике (Москва), Вальтраут Шелике (Москва).

В последние годы и в нашей стране, и в мире в целом наблюдается повышенный интерес к философскому наследию К. Маркса. Особенно этот интерес усилился после начала мирового экономического кризиса в 2008 г., что, в частности, нашло свое отражение, например, в проведении I Всемирного конгресса по марксизму в Пекине в октябре 2015 г. Тексты Маркса наконец-то начинают по-настоящему, вдумчиво *читать* (чего не было в «марксистские» советские времена), постепенно уходят в прошлое интерпретации, сводящие его теории к жесткому экономическому или социологическому редукционизму, железобетонному материализму и воинствующему атеизму. Слышится много нового и интересного.

Помимо этого, начинают вновь издаваться работы Маркса, Энгельса, вчерашних и нынешних марксистов. Однако все эти издания — стереотипные, представляющие собой перепечатки уже ранее изданных текстов или даже репринты; есть среди них издания и подарочные — в переплете из натуральной кожи, с золотым тиснением, есть и аудиокниги, а в Японии «Капитал» издали в виде комиксов в стиле «манга». На этом фоне современно, по-деловому изданная книга русского перевода первого тома «Капитала» в новой редакции Валерия Чеховского — значительное событие в научной жизни.

Еще до выхода книги в свет между В. Чеховским и его оппонентом Л. Васиной на страницах журнала «Альтернативы» [3; 19] состоялся живой обмен мнениями о концепции нового перевода. Статья Л. Васиной — очень хорошее изложение *истории* переводов «Капитала» на русский язык. Она как главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, а также руководитель группы международного, ныне издаваемого Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала — *MEGA (Marx—Engels—Gesamtausgabe)*, знакома с этой историей по первоисточникам. Тем не менее, на мой взгляд, она «не прочувствовала» аргументацию В. Чеховского.

История вопроса

История перевода «Капитала» Маркса на русский язык напоминает детективную историю издания «Воли к власти» Фр. Ницше усилиями

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала / под ред. В. Я. Чеховского.
М. : Политическая энциклопедия, 2015. 661 с.

его сестры и П. Гаста, которые «отредактировали» и скомпоновали текст в свете своих политических взглядов.

Выделим в этой криминально-лингвистической истории политэкономии несколько этапов.

1. Первым иностранным изданием «Капитала» стал его перевод на русский язык. Инициатором был Н. Ф. Даниельсон, который уже в сентябре 1868 г. сообщил об этом Марксу. Первым в 1869 г. переводить «Капитал» начал нуждавшийся в деньгах Михаил Бакунин, лично знакомый с Марксом с середины 1840-х гг. Несмотря на выплаченный аванс, Бакунин был вынужден отказаться от участия в проекте: по одной из версий, прекратить перевод его вынудил С. Г. Нечаев; по другой — он не справился со сложной терминологией Маркса. Думается, что вторая версия более правдоподобна. Хотя здесь следует учитывать и то, что именно в эти годы разгорается борьба марксистов и бакунистов в Интернационале. Именно в свете этого Даниельсон ответил категорическим возражением на предложение Г. Лопатина передать дальнейший перевод бакунисту Н. И. Жуковскому.

Затем работу над переводом продолжил Герман Лопатин, который специально для этой цели прибыл летом 1870 г. в Лондон, где встречался с Марксом. Однако и Лопатин был вынужден прервать работу над переводом: зимой 1870 г. он уехал в Россию, чтобы принять участие в попытке освобождения из ссылки Н. Г. Чернышевского. Лопатин и Маркс общались между собой на французском языке, ибо Лопатин не владел разговорным немецким.

Начатое дело довели до конца Николай Любавин и Николай Даниельсон. Последний перевел основную часть книги (Лопатин перевел только одну треть «Капитала») и в середине 1871 г. попросил Маркса упростить первую главу для перевода. Но Маркс, загруженный борьбой с бакунистами в Интернационале, отложил исполнение намерения адаптировать ее для русского читателя. По просьбе Даниельсона за ее перевод взялся Любавин, тогда как сам Даниельсон сверял его с оригиналом. То же самое сделал Любавин в отношении перевода Даниельсона. После этого Даниельсон окончательно свел три части перевода в единое целое, и в 1872 г. русский перевод I тома «Капитала» под редакцией последнего был издан в Санкт-Петербурге¹.

Известно, что Маркс с радостью приветствовал это событие, дав высокую оценку качеству перевода, выполненного, по его выражению, «*мастерски*» [11. С. 402]. Однако тут можно усомниться в том, что Маркс владел русским языком настолько хорошо, что смог бы адекватно оценить качество перевода. Между прочим, немало российских читателей того времени были другого мнения. Более того, в силу сложившихся обстоятельств *первая, терминологически важнейшая*, глава была переведена

¹ Почти сорок лет для читателя имя переводчиков и редактора было анонимно. Лишь в 1908 г., с появлением в печати писем из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса с Николаем Францевичем Даниельсоном, была раскрыта история появления книги в России.

Любавиным в *последнюю* очередь, когда перевод остальной части текста уже был готов. Именно поэтому Н. Н. Любавин был вынужден использовать терминологию Лопатина, которому Маркс, по некоторым свидетельствам, посоветовал начать перевод со второй главы; и Лопатин, соответственно, «упустил» в своем переводе важную «деталь» рассуждений автора о *двойственном* характере товара (как *потребительной и меновой ценности*), что разбирается Марксом в первой главе. Так, сам Даниельсон в предисловии ко 2-му изданию I тома «Капитала» признается, что «больше всего порицаний слышалось за выбор слова “стоимость” для перевода немецкого “Wert”» [4. С. XIV].

Справедливости ради стоит отметить, что В. Чеховский, говоря о «переводческом ляпсусе», «лингвистической ошибке» и даже «нелепости» в переводе *Wert* как *стоимости*, все же с уважением пишет: «...критикуя “традиционный” перевод, было бы большой несправедливостью адресовать критику первым переводчикам “Капитала”, тем более самым первым — Даниельсону и товарищам. 150 лет назад перевести эту книгу являлось большим научным достижением. Всем, кто шел за первыми, было намного легче. А идущему той же дорогой сегодня и совсем комфортно, имея под рукой многочисленные словари, компьютер и Интернет» [16. С. 12].

Более того, у Даниельсона и товарищей есть своеобразное «алиби». Дело в том, что для русского перевода они использовали *первое* немецкое издание 1867 г., в котором Маркс черным по белому писал: «Wenn wir künftig das Wort *Werth* ohne weitere Bestimmung brauchen, so handelt es sich immer vom *Tauschwert*» [23. S. 19, Fußnote 9], что в переводе В. Чеховского звучит так: «Если в будущем мы будем использовать слово *Wert* без дальнейшего определения, то речь всегда будет идти о *Tauschwert*».

Стало быть, *строгого различия между Wert и Tauschwert в 1867 г. у К. Маркса еще не было?* Рольф Хеккер так не считает, утверждая, что сущностная разница К. Марксу была давно известна, просто в то время у него не все категории получили еще ясные терминологические определения [21] (как это было, например, ранее с «трудом» и «рабочей силой»). И только во втором немецком издании «Капитала» (1873) К. Маркс определил *Tauschwert* как форму *Wert*, снял цитированное выше подстрочное примечание 9 и заменил в ряде мест *Wert* на *Tauschwert* и наоборот [21. С. 168].

Оказывается, перевод *Wert* словом *стоимость* в *первом* русском издании «Капитала» — не ошибка, ибо в оригинале *Wert = Tauschwert*, а *Tauschwert* по-русски это — *стоимость*! Собственно ошибка случилась позже, когда Н. Даниельсон в *последующих* переизданиях своей редакции перевода не учел того, что Маркс внес радикальные изменения во *второе* немецкое издание «Капитала»².

² Кстати, Маркс в мае 1872 г. хотел выслать Даниельсону «первые выпуски второго немецкого издания “Капитала”, а также французского перевода», но к тому времени книга еще не вышла [11. С. 402].

Но для нас важно знать, что первые русские переводчики «Капитала», размышлявшие над выбором эквивалента немецкому *Wert*, этим новым знанием не располагали, ибо читатели К. Маркса конца 60-х — начала 70-х годов XIX столетия верили своим глазам: *Wert* есть *Tauschwert*. Таким образом, неудачный выбор Даниельсоном слова *стоимость* объясним, если перевод «Капитала» рассматривать в историческом контексте.

2. Следующее русское издание «Капитала» — перевод «Капитала» на русский язык, изданный в 1899 г. под редакцией П. Б. Струве, о существовании которого в России до сих пор мало кто знает, а в СССР этот факт был «государственной тайной». Альтернативность этого перевода заключалась в первую очередь в выборе русского *ценность* вместо *стоимость* для передачи немецкого *Wert*.

3. Следующую важную веху перевода «Капитала» связывают с именем И. Скворцова-Степанова, хотя переводчиков нового издания на самом деле было трое. Кроме Степанова (литературный псевдоним) в тройку входили репрессированный в 1930-х В. Базаров и А. Богданов. Именно под редакцией последнего в 1907—1909 гг. вышли в свет все три тома «Капитала». С 1937 г., когда специальная московская комиссия дала свое заключение [22], упомянутый перевод служит основой для изданий «Капитала» в СССР и в сегодняшней России. После «канонизации» ленинской позиции по этому вопросу о *ценности* забыли на долгие годы. Точка зрения Ленина была им самим аргументирована поверхностно: ему больше понравился перевод Базарова и Степанова-Скворцова со словом «стоимость», к которому он привык, изучая «Капитал» по изданию Даниельсона, чем перевод Струве с «ценностью» [9. С. 86]; к тому же Ленин не придавал этой проблеме «особенно существенного значения» [6. С. 68].

4. Наконец, последний этап этой истории — это работы В. Чеховского и новый перевод первого тома «Капитала» под его редакцией. В. Чеховский уверен в том, что понятие *Wert* было *ошибочно* переведено русским *стоимость*. Хотя был уже издан перевод Струве, тем не менее научное доказательство того, что *Wert* в «Капитале» следует переводить именно русским *ценность*, было впервые публично представлено широкой публике именно им, Чеховским, уверен автор новой редакции перевода. Речь идет о статье «О переводе Марксова понятия “Wert” на русский язык», опубликованной в 1989 г. [18; 17; 26]. В частности, было доказано, почему понятие *Gebrauchswert*, с которого начинается анализ товара в «Капитале», нельзя переводить русским *потребительная стоимость* — выражением, которое, по мнению П. Струве, является *нелепостью* [15. С. XXVIII].

До работ В. Чеховского проблема *стоимость* или *ценность* поднималась несколько раз. Первоначально в конце XIX — начале XX в. в среде народников и социал-демократов (М. И. Туган-Барановский, С. Б. Струве, В. И. Ленин, Н. Даниельсон, А. А. Богданов, В. Базаров), хотя традиционно в экономической науке того времени использовалось

понятие *ценность*. Но на эту дискуссию тогда не обратили должного внимания³ — видимо, посчитав ее схоластическим спором о словах⁴. А зря.

В последующие годы в СССР и нынешней России появилось только три более или менее серьезные попытки критиковать выбор русского слова *стоимость* в качестве перевода термина *Wert* в «Капитале» К. Маркса. Первая работа принадлежит Э. В. Ильенкову, написана предположительно в 1960-е гг. При жизни автора она опубликована не была, а увидела свет только в 1997 г. [5].

Другая попытка привлечь внимание советских и российских ученых к проблеме *стоимость/ценность* была предпринята экономистом Я. А. Певзнером (1914–2003), который в своей книге «Дискуссионные вопросы политической экономии» [2] в небольшой главе «Закон стоимости или закон ценности» посвятил ей несколько страниц.

В. Чеховский видит слабость позиций Якова Певзнера, равно как и Эвальда Ильенкова, в том, что у критиков «отсутствовали убедительные аргументы в пользу альтернативного перевода». А те доводы, которые приводились ими в качестве доказательств, должны были, по мнению Чеховского, вызвать у читателей реакцию, обратную ожидаемой. Дело в том, что и Ильенков, и Певзнер начали не с выяснения *содержания* переводимых научных терминов (*Wert*, *Gebrauchswert*, *Tauschwert*), чтобы затем *этому уникальному научному содержанию* (а не многозначному слову) найти подходящее русское словесное обозначение, а с рассуждения о значениях русских слов *стоимость* и *ценность*. Таким образом, проблема для них, оказывается, состояла не в том, *каким русским словом перевести известное научное понятие*, а в том, *каким русским понятием перевести немецкое слово Wert*. Таким образом, и Ильенков, и Певзнер ищут (и самое удивительное — находят!) содержание научных категорий не в марксовом тексте, а в значениях русских слов.

Наконец, третья попытка обратить пристальное внимание на разбираемую проблему была в 1989 г. предпринята самим Валерием Чеховским в упомянутой выше статье «О переводе марксова понятия “Wert” на русский язык» [18], в которой, по его словам, впервые было доказано наличие ошибки в традиционном (советском) переводе «Капитала» [16. С. 10].

³ «На рубеже столетий — это время как раз совпало с выходом в свет “Капитала” под редакцией Струве — дискуссия “стоимость или ценность” осталась для широкой публики почти незамеченной. Она велась на периферии конкурентной борьбы общественных идей и политических проектов для будущей России» [16. С. 22].

⁴ «На первый взгляд эти изыскания могут показаться излишней схоластикой. Да. Схоластически-формальный момент тут есть. Но и о нем тоже не грех позаботиться. Хотя бы для того, чтобы верно понять подлинные мысли Маркса, а не подсовывать в его формулы какой-то иной, несвойственный им смысл» [5].

Основные идеи В. Я. Чеховского

Gebrauchswert. Попробуем кратко воспроизвести логику обоснования перевода *Wert* русским *ценность*, а не *стоимость*, которую предлагает В. Чеховский. Он сразу же обращается к *смысловым, содержательным* аспектам марксова текста [16. С. 19—20]. Так, на первой же странице Маркс пишет: «Die Nützlichkeit eines Dings macht es zum Gebrauchswert. Aber diese Nützlichkeit schwebt nicht in der Luft. Durch die Eigenschaften des Warenkörpers bedingt, existiert sie nicht ohne denselben. Der Warenkörper selbst, wie Eisen Weizen, Diamant u. s. w. ist daher ein Gebrauchswert oder Gut» [24. S. 50].

Традиционный, «квазиофициальный» перевод этого места на русский язык звучит так: «Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная стоимость, или благо» [7. С. 44].

Что, спрашивает В. Чеховский, *содержательно* означает здесь *Gebrauchswert*? В анализе Маркса *Gebrauchswert* выступает как одна из двух сторон *товара*. «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам удовлетворяет человеческие потребности» [7. С. 43]⁵. Свойство вещи удовлетворять потребность называется *полезностью*. Чеховский, ориентируясь на язык *экономической* науки, говорит, что полезность на этом языке именуется *потребительной ценностью*. Мы же от лица философов можем добавить, что, если эта некая конкретная вещь обладает *необходимыми* для удовлетворения потребности субъекта *свойствами*, она «втягивается» субъектом в его практику и *в этом взаимоотношении с субъектом* начинает обладать для субъекта *полезностью*, т. е. приобретает для него *значение, значимость, достоинство (Wert)*.

Стало быть, в процессе потребностной субъект-объектной связи для субъекта оказываются важны, значимы определенные свойства объекта, используя которые субъект удовлетворяет свои потребности. Такие *действительно* значимые *свойства* объектов и *сами эти объекты*, обладающие такими свойствами, и в философии, и в обыденной жизни (а «научным понятиям в политической экономии обычно принято давать названия общеупотребительными словами» [16. С. 20]) принято называть *ценностями*.

При этом *сами по себе объекты и их свойства не являются значимыми*, ибо характеристика «*быть значимым*», «*иметь значение*» конституируется только в *действительных отношениях субъекта и объекта*: нечто приобретает свою значимость (ценность) для субъекта только тогда, когда оно *втянуто* в человеческую деятельность (будь это пища или объекты наших самых фантастических мечтаний), и имеет способность удовлетворить потребность (реальную или мнимую — это уже другой вопрос).

⁵ В. Чеховский справедливо замечает, что во времена Маркса товары большей частью представляли собой именно вещи, в то время как сегодня к товарам относятся также и услуги, идеи, зрелища и т. д. [16. С. 19].

Таким образом, переводчики, читая оригинал, должны, во-первых, иметь в виду, что *Gebrauchswert* у Маркса употребляется в двух значениях: в значении *полезность* (Nützlichkeit) и в значении *полезная вещь* (Warenkörper selbst, wie Eisen...); во-вторых, *Gebrauchswert* является *качественной* стороной товара⁶, и за количественным переводом через *стоимость* качественную характеристику разглядеть просто невозможно.

Теперь вернемся к традиционному переводу и в свете сказанного примерим выражение *потребительная стоимость* к переведенной части текста. Надо быть полностью лишенным языкового слуха, чтобы не услышать то, что слово *стоимость* здесь неуместно. Русское слово *стоимость* по смыслу общеупотребительной речи имеет исключительно *количественное* содержание. Слово *стоимость* «ни в значении *полезность*, ни в значении *полезная вещь* в русской речи не употребляется» [16. С. 20].

Таким образом, слово *стоимость* для перевода немецкого *Gebrauchswert* не годится! Единственно правильный вариант перевода *Gebrauchswert* это — *потребительная ценность*. Теперь подставим в перевод это словосочетание: «Полезность вещи делает ее потребительной ценностью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело, как, например, железо, пшеница, алмаз и т. п., само есть потребительная ценность, или благо».

Для сравнения В. Чеховский приводит такой пассаж из работы «К критике политической экономии» Маркса: «Потребительная стоимость имеет стоимость только для потребления и реализуется только в процессе потребления» [10. С. 13]. В этом переводе эта простая мысль Маркса совершенно дика и нелепа. Действительно, прав В. Чеховский, заметив, что «даже самый большой знаток политической экономии не в силах объяснить, что есть “потребительная стоимость, имеющая стоимость только для потребления...”» [16. С. 21]. Если же мы *вслушаемся* в *содержание слов Маркса*, то мы должны понять, что он имел в виду следующее: «Потребительная ценность имеет значение только для пользования и осуществляется только в процессе потребления» [16. С. 22].

Итак, вывод: «*Gebrauchswert* по-русски — *потребительная ценность*». И еще: «Дорогой читатель, мы только что сделали то, что не смогли сделать советские/российские марксоведы в течение почти 100 лет, а именно: мы перевели Марксов термин *Gebrauchswert* на русский язык» [16. С. 22].

Свойством полезности обладают все явления (как естественные, природные, так и искусственные), имеющие значимость для человека. Наличие этого свойства не зависит от формы общественного производства, ибо продукты природы и труда имеют полезность, или потребительную ценность, и в первобытном, и в рабовладельческом, и в феодальном, и в капиталистическом обществах. Но вот с другой стороной товара дело обстоит не так просто, ибо ее наличие напрямую связано

⁶ «Каждую полезную вещь, — пишет Маркс, — можно рассматривать с двух точек зрения: со стороны качества и со стороны количества» [7. С. 43].

с определенной общественной формой производства полезных вещей, а именно — с *товарно-денежной формой*.

Tauschwert. Как мы видели, с точки зрения Маркса, *Gebrauchswert* — это только одна (*качественная*) сторона товара; другой его стороной (теперь уже *количественной*) является *Tauschwert*. Маркс пишет: «Der Tauschwert erscheint zunächst als das quantitative Verhältnis, die Proportion, worin sich Gebrauchswerte einer Art gegen Gebrauchswerte anderer Art austauschen...» [24. С. 50], что в «традиционном» переводе передано так: «Меновая стоимость представляется прежде всего в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные стоимости одного рода обмениваются на потребительные стоимости другого рода...» [7. С. 44].

С учетом того, что термин *Gebrauchswert* в данном случае употребляется в значении *предмет потребления, полезная вещь*, попробуем выражение *меновая стоимость* заменить на *меновая ценность*. Получаем: «Меновая ценность представляется прежде всего в виде количественного соотношения, в виде пропорции, в которой потребительные ценности одного рода обмениваются на потребительные ценности другого рода ...» [8. С. 66].

А нельзя ли, спрашивает В. Чеховский, термин *Tauschwert* формально перевести и русским *меновая стоимость*? Ответ будет отрицательным: перевод немецкого *Tauschwert* русским *меновая стоимость* — стилистическая ошибка. Русское слово *стоимость* семантически означает *обмен*, т. е. *количественное соотношение, пропорцию при обмене*. Обмене чего? При обмене по меньшей мере двух *потребительных ценностей*, двух товаров.

При обмене предполагается наличие как минимум двух объектов и двух субъектов, участников сделки, т. е. наличие как минимум двух различных товаров и их двух различных владельцев. А раз так, раз семантически *стоимость* есть выражение обмена, то лингвистическая форма *меновая стоимость* является тавтологией, простым повторением.

«В предмете, рассматриваемом изолированно, вне обмена, независимо от обмена, например, в обществе, отличном от капиталистического, у *меновой ценности* отсутствует необходимая “среда обитания”... И наоборот: присутствие *меновой ценности* есть указание на факт обмена. Меновая ценность немыслима без обмена» [16. С. 23–24]. Стало быть, «смысл русского слова *стоимость* в точности совпадает со значением немецкого *Tauschwert*... *Стоимость это меновая ценность*» [16. С. 24].

Вывод: *Tauschwert* — отношение, пропорция, в которой один товар (*потребительная ценность*) обменивается на другой товар (*потребительная ценность*), — следует переводить на русский язык просто как *стоимость*, но ни в коем случае не как *меновая стоимость*. Говоря иначе, *Tauschwert* можно перевести двояко — но не как *меновая ценность* и *меновая стоимость*, а как *меновая ценность* и *стоимость*.

Wert. Но как перевести *Wert*? Маркс рассуждает так: раз такие различные вещи (*потребительные ценности*) как, например, сюртук и сапожная вакса, *обмениваются*, взаимно выражая тем самым свой *Tauschwert*, то в них должно быть нечто *общее*, что делает различные обмениваемые друг

на друга вещи (товары) соизмеримыми. «Это общее, присущее всем товарам, как таковым, однородное содержание, “кристаллы общей им всем общественной субстанции” [7. С. 45] есть, по Марксу, — *Wert*, овеществленный материализованный абстрактный человеческий труд» [16. С. 24].

Давайте обратимся к оригиналу. В «Капитале» Маркс пишет: «Betrachten wir nun das Residuum der Arbeitsprodukte... Diese Dinge stellen nun noch dar, dass in ihrer Produktion menschliche Arbeitskraft verausgabt, menschliche Arbeit aufgehäuft ist. Als Kristalle dieser ihnen gemeinschaftlichen gesellschaftlichen Substanz sind sie Tauschwert — Warenwerte» [24. S. 52]. В «традиционном» переводе на русский язык эта фраза выглядит так: «Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. ...Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости» [7. С. 46].

Правильно ли, спрашивает В. Чеховский, *содержание* переводимого фрагмента «накопленный человеческий труд, кристаллы общей всем продуктам труда общественной субстанции» передать русским словом *стоимость*? — Это было бы лингвистической и фактической ошибкой одновременно. *Стоимость* по-русски, как мы уже выяснили, — *количественное* выражение относительной величины — пропорции обмена, по-немецки *Tauschwert*. Именно поэтому «внутренняя, присущая самому товару *Tauschwert* представляется каким-то *contradictio in adiecto* [противоречием в определении]» [7. С. 44–45]. А все дело в том, что мера «человеческого труда» — рабочее время, т. е. «труд» — понятие не относительное, но абсолютное, и передается не словом *Tauschwert* (*меновая ценность* или *стоимость*), а *Wert* — по-русски *ценность*. Следовательно, второе предложение последней цитаты в русском переводе должно звучать так: «Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть ценности — товарные ценности».

На первый взгляд перевести *Wert* в «Капитале» на русский язык можно двояко: словом *ценность* и словом *стоимость*. Но мы выяснили, что слово *стоимость* по смыслу общеупотребительной речи выражает отношение, пропорцию обмена. А раз так, то для перевода содержания немецкого термина *Wert*, как оно только что было определено, не годится. Остается *ценность*. Марксово *Wert* по-русски — *ценность*. При любых общественных условиях *ценность* продукта выражается затратами труда на его производство и измеряется прямо количеством рабочего времени. При капитализме, в обществе товаропроизводителей, *ценность* продукта как товара выражается затратами общественно необходимого рабочего времени, необходимого для его производства, и измеряется не прямо в рабочих часах, а косвенно, относительно — количеством другого товара или денег — это *стоимость*, или меновая ценность.

Ценность, как выражение затраченного труда, рабочего времени, — величина абсолютная, но исторически ее выражение может быть как абсолютным, так и относительным. Абсолютное выражение ценности продуктов труда рабочим временем можно «наблюдать», например,

в древнеиндийской общине, на обитаемом Робинзоном острове, в будущем коммунистическом обществе (примеры Маркса). При капитализме, где продукты труда принимают общественную форму товаров, их ценность выражается относительно; в других товарах она принимает форму меновой ценности (стоимости) или цены — развитой, денежной формы ценности.

Отсюда, т. е. из логики «Капитала», следует вывод, впервые сделанный В. Чеховским, что резонно говорить о наличии двух законов: закона *ценности* и закона *стоимости*. Последний действует только при капитализме, в обществе товаропроизводителей, именно он является предметом исследования Маркса в «Капитале».

Другие огрехи существующих переводов

В. Чеховский справедливо пишет, что даже издание привычного нам перевода «Капитала» с простой, механической заменой перевода *Wert*, *Gebrauchswert* и *Tauschwert* со *стоимости*, *потребительной стоимости* и *меновой стоимости* на *ценность*, *потребительную ценность* и *меновую ценность (стоимость)* было бы вполне уместно и полезно, «ибо оригинальность перевода научного текста отличается в первую очередь не выбором одного из многих глаголов, способных “жечь сердца людей”, а адекватной, единственно возможной терминологией, словесными обозначениями, названиями научных понятий, получивших уже однажды имя на другом языке» [16. С. 11].

Однако проблема стоимости/ценности в традиционном переводе первого тома «Капитала» оказывается не единственной. «Квазиофициальный русский перевод содержит не только серьезный переводческий ляпсус, он еще и в других отношениях неудовлетворителен» [16. С. 12]. Так, по словам Г. Преображенского, в традиционном переводе мы видим «неправомерную перестановку абзацев, редуцирование смысловых и стилистических игр оригинала, идеологически ангажированную трактовку оригинала», поэтому «от нового перевода “Капитала” нам не уйти» [14. С. 17].

Хотя «последнее издание “Капитала” на русском языке... аккумулировало огромную... работу нескольких поколений переводчиков, подготовителей и редакторов» [3. С. 154], оно содержит множество фактических, технических и стилистических ошибок, а также «ошибок», сделанных сознательно, т. е. в случаях, когда переводчик считал нужным поправить автора.

Важно помнить, что *выбор терминологии направляет понимание переведенного текста в определенное русло* [1. С. 38]. Так, например, хотя работы Маркса и Энгельса переводились, а затем уточнялись многочисленными высокопрофессиональными «толковниками» из Института Маркса—Энгельса—Ленина, тем не менее, некоторые термины и понятия эти «толмачи» предпочли истолковывать и перевести так, как это было *выгоднее власти*: повсеместный перевод *der Wert* как *стоимость* был конъюнктурно выгоден для обоснования затратной идеологии теории трудовой *стоимости*, в то время как адекватно это понятие надо

было бы переводить как *ценность*, но идеологически это было *неудобно*. Впрочем, многие термины Маркса не имеют однозначного перевода, и идеология здесь ни при чем. Такое положение дел было осознано уже давно, но в советские времена — в силу победившей «экономической» линии в интерпретации Маркса, а сегодня — в силу идущей с тех пор традиции (сознание, как говорится, отстает от бытия), на эти проблемы перевода почти не обращают внимания.

Приведем только один, поистине ужасающий, пример «экономического» истолкования Маркса через перевод. И в советском, и в современном российском массовом сознании философия Маркса воспринималась и воспринимается как некая «философия фабрики», «метафизика всеобщей трудовой повинности», в рамках которой действует категорический императив «кто не работает — тот не ест». Связано это с тем, что основные свои работы Маркс посвятил социально-экономическому анализу капитализма; и производственный фактор у него часто выдвигается на передний план, особенно в его учении о *производительных* силах и *производственных* отношениях в структуре способа *производства*. Но это относится к *политической экономии*. В русских же переводах этот *экономико-производственный* смысл был перенесен и в *философское* учение Маркса о человеке, в результате чего вышло, что родовой сущностью человека является не *целесолагающая преобразующая материально-духовная деятельность* (*die Praxis, die Praktik, die Tätigkeit*), а *труд* (*die Arbeit*), и — самое ужасное — *производственная жизнь*.

Вот что мы читаем в русском переводе «Парижских рукописей» Маркса: «**производственная** жизнь и есть родовая жизнь. Это есть жизнь, порождающая жизнь» [13. С. 565]. Да, если *Маркс действительно говорил такое*, то его философская антропология — это *антигуманное учение*. В оригинале же читаем: «Das **produktive** Leben ist aber das Gattungsleben. Es ist das Leben erzeugende Leben» [25. S. 516]. Обратите внимание: как здесь перевели словосочетание «*produktive Leben*» — «*производственная жизнь*». Этим переводом советские толмачи просто *обесчеловечили* мысль Маркса. Слово *produktive* означает *продуктивная* (в смысле Э. Фромма), или на крайний случай как *производительная*, но никак не *производственная*! Если Маркс говорит о *производственном* аспекте деятельности, то он всегда употребляет слова, связанные с корнем *Produktion* (производственная активность — *Produktionsaktivität*, но никак не *Produktiveaktivität*).

Однако вернемся к «Капиталу». Есть и такие моменты, которые модернизируют Маркса. Самый наглядный пример — постоянно используемое Марксом слово *cottage* для описания жилищ рабочих нельзя переводить буквально как *коттедж* [7. С. 467, 475], ибо в современном русском языке слово *коттедж* ассоциируется с Рублевкой, а не с тем, что имеет в виду Маркс: «После многочасовой работы под ветром и дождем земледелец возвращается в свою хижину [*Cottage*], чтобы присесть перед огнем из торфа или комьев, слепленных из глины и отбросов каменного угля и образующих при горении тучи угольной и серной кислоты. Стены хижины сделаны из глины и камней, пол — голая земля, которая

была здесь и перед постройкой хижины [*Hütte*], крыша — масса растрепанной, ничем не скрепленной соломы. Каждая щель законопачена для сохранения тепла, и в этой атмосфере адского зловония, на грязной земле, часто просушивая на себе свою единственную мокрую одежду, он принимается за ужин с женой и детьми. Акушеры, вынужденные проводить часть ночи в этих хижинах, описывали, как их ноги тонули в грязи на полу и как им приходилось — дело не из трудных — пробуравливать отверстие в стене, чтобы хоть немного подышать свежим воздухом» [7. С. 694; 24. S. 710]. Здесь *Cottage* следует перевести как *хижина*, тем более что Маркс тут же употребляет соответствующее немецкое слово *Hütte*.

Ошибки неравномерны — это свидетельство того, что перевод делался в разное время и разными переводчиками. В. Чеховский во Введении специально останавливается на небольшой главе 24 (около 40 страниц) и в сравнительной таблице наглядно показывает, что в «последнем издании» в этой главе имеет место в среднем одна ошибка на страницу [16. С. 13–19].

Выводы

Подведем итог рассуждениям В. Чеховского о переводе основных категорий «Капитала». *Gebrauchswert* — полезность (т. е. *качественный* аспект) вещи или полезная вещь — следует переводить русским *потребительная ценность*.

Tauschwert, напротив, — это свойство, присущее только товарам. Оно заключается в их способности в определенной пропорции обмениваться на другие товары. *Tauschwert* — это количественная форма выражения общей всем товарам субстанции — человеческого труда. На русский язык *Tauschwert* следует переводить как *меновая ценность*, или *стоимость*.

Наконец, *Wert*, по Марксу, — это овеществленный в товарах труд, общая всем товарам субстанция, которая делает их как меновые ценности между собой сравнимыми и обмениваемыми; *Wert* служит также мерой определения величины меновой ценности (например, при определении *Mehrwert* — *прибавочной ценности*); отсюда *Tauschwert* — *меновая ценность*.

Итак, *Gebrauchswert* (полезность и полезная вещь) — *потребительная ценность*; *Tauschwert* (относительная форма выражения ценности) — *меновая ценность*, или, что то же самое, *стоимость*; *Wert* — *ценность*, субстанцией которой является абстрактный труд. И самое интересное состоит в том, что критики перевода В. Чеховского, соглашаясь с тем, что выражение «потребительная стоимость» — нелепость (П. Струве), тем не менее держатся за него, говоря, что, мол, мы-то знаем, о чем идет речь, да традиция у нас давняя. Хорошее дело: традиция держаться за «нелепость»!

В последующих изданиях Валерию Чеховскому следует обратить внимание на перевод также и таких марксовых терминов, как *Verkehr*, *erzuegen*, *Arbeit*, *Versachlichung* и др., которые он оставил в «традиционном» виде. Например, следует различать у Маркса «овеществление» (*Vergegenständlichung*, вернее: *опредмечивание*) и «овещнение» (*Versachlichung*).

Именно в этом смысле Маркс говорит о «персонификации вещей и овеществлении [овещнении] лиц [Personifizierung der Sache und Versachlichung der Personen]» [7. С. 124; 24. S. 128] в товарно-денежном взаимодействии.

Во-вторых, при переводе важно учитывать как его историю (что и делает В. Чеховский, опираясь на дореволюционную традицию, но радикально порывая с традицией советской), так и *социальный* (даже социально-лингвистический) контекст, в котором *этот перевод* осуществляется и (а это самое главное) *читается*. Ведь термины *ценность* и *стоимость*, как показывает полемика вокруг них даже в экономической литературе, не являются аксиологически (*ценностно!!!*) нейтральными. Соответственно, в дореволюционном, советском и постсоветском обществах слова *ценность* и особенно *стоимость* воспринимались с различными коннотациями.

Наконец, в-третьих, *важнейшая вещь*: политэкономически *Wert* (*ценность*) есть выражение общей всем продуктам труда субстанции, это — труд, творческая продуктивная, производительная деятельность и родовая сущность человека. Здесь уместно говорить о *законе ценности* — универсальном общественном экономическом законе, согласно которому ценность продукта труда определяется затраченным на его производство рабочим временем. В обществе товаропроизводителей, напротив, т. е. при капитализме, продукты труда (потребительные ценности) принимают общественную форму товаров, а их ценность выражается не прямо в рабочем времени, а косвенно, относительно — в других товарах или, что то же самое, в деньгах, и принимает форму меновой ценности. Здесь действует другой закон — закон меновой ценности, или стоимости, согласно которому товары обмениваются в соответствии с затратами общественно необходимого для их производства рабочего времени.

Открытие В. Я. Чеховским двух законов (ценности и стоимости) предстоит еще не только экономически, но и философски, и социологически осмыслить. Оно радикально меняет всю перспективу, из которой ранее виделась теория Маркса. Оказывается, если исходить из нарисованной Марксом картины коммунистического будущего, то теория трудовой стоимости (меновой ценности) должна уступить место теории трудовой ценности. В будущем обществе будет «ликвидирован» *Tauschwert*, и люди будут производить не товары, не меновые ценности, а продукты потребления, потребительные *ценности*. Мерой *качества бытия* станет *свободное время*, заполненное *Sebstbetätigung* — деятельностью, всесторонне развивающей личность и приносящей радость полноты бытия, деятельностью, в которой будут иметь место полное проявление сущностных сил человека, искренний человеческий восторг (*menschliche Freude*), *богатство ощущений* (*Reichtum der Empfindung*) и *бьющая ключом радость жизни* (*sprudelt Lebenslust*) [12. С. 186].

Литература

1. Балла О. Непорядок дискурса: Мишель Фуко как форма русского самопознания // Балла О. Примечания к ненаписанному. [Б. м.] : Franc-Terrier, 2010.

2. **Брагинский С. В., Певзнер Я. А.** Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: Мысль, 1991.
3. **Васина Л. Л.** «Ценность» versus «стоимость» — «за» и «против» // *Альтернативы*. 2015. № 2 (87).
4. **Даниельсон Н. Ф.** Предисловие ко второму русскому изданию I тома «Капитала» К. Маркса // **Маркс К.** Капитал: Критика политической экономии. СПб., 1898. Т. I.
5. **Ильенков Э. В.** О переводе термина «Wert» (ценность, достоинство, стоимость, значение) // **Ильенков Э. В.** Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
6. **Ленин В. И.** Еще к вопросу реализации // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 4. М.: Политиздат, 1967.
7. **Ленин В. И.** Карл Маркс. Краткий биографический очерк с изложением марксизма // **Ленин В. И.** Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Политиздат, 1969.
8. **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии. Т. I // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 23. М.: Политиздат, 1960.
9. **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии / под ред. В. Я. Чеховского. М.: Политическая энциклопедия, 2015. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала.
10. **Маркс К.** К критике политической экономии // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 13. М.: Политиздат, 1959.
11. **Маркс К.** Письмо Н. Ф. Даниельсону 28 мая 1872 г. // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 33. М.: Политиздат, 1964.
12. **Маркс К., Энгельс Ф.** Святое семейство, или Критика критической критики // **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. Т. 2. М.: Политиздат, 1955.
13. **Маркс К.** Экономическо-философские рукописи 1844 г. // **Маркс К., Энгельс Ф.** Из ранних произведений. М.: Политиздат, 1956.
14. **Преображенский Г. М.** От редактора // **Маркс К.** Капитал. СПб.: Лениздат: Команда А, 2013.
15. **Струве П. Б.** Предисловие редактора русского перевода // **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии. Т. I. СПб., 1899.
16. **Чеховский В. Я.** Введение // **Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии / под ред. В. Я. Чеховского. Т. 1. Кн. 1.
17. **Чеховский В. Я.** О переводе Марксова «Wert» на русский язык // *Вопросы экономики*. 2008. № 1.
18. **Чеховский В. Я.** О переводе Марксова понятия «Wert» на русский язык // *Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и об издании их произведений*. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1989. Вып. № 5.
19. **Чеховский В. Я.** Предисловие ответственного редактора и переводчика // *Альтернативы*. 2015. № 2.
20. **Эко У.** О стиле «Манифеста» // **Эко У.** О литературе: эссе. М.: АСТ: CORPUS, 2016.
21. **Hecker R.** Die Entwicklung der Werttheorie von der 1. Zur 3. Auflage des ersten Bandes des Kapitals von Karl Marx (1867—1883) // *Marx—Engels Jahrbuch* 10. Berlin: Karl Dietz Verlag, 1987.
22. **Hecker R.** Fortsetzung und Ende der ersten MEGA zwischen Nazionalsozialismus und Stalinismus (1931—1941) // *Beiträge zur Marx—Engels—Forschung. Neue Folge. Sonderband* 3. Berlin; Hamburg, 2001.
23. **Marx K.** Das Kapital // *MEGA — Marx—Engels—Gesamtausgabe. Ab. II. Bd. 5*. Berlin: Karl Dietz Verlag, 1983.
24. **Marx K.** Das Kapital // *Marx—Engels Werke*. Berlin: Karl Dietz Verlag, 1962. Bd. 23.
25. **Marx K.** Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // *Marx—Engels Werke*. Berlin: Karl Dietz Verlag, 1968. Bd. 40.
26. **Tschechowski V.** Zur Übersetzung des Marxschen Begriffs Wert ins Russische // *Beiträge zur Marx—Engels—Forschung. Neue Folge*. Hamburg: Argument Verlag, 2007. ◆